

ДАНИИЛ ХАРМС

ИВАН ИВАНЫЧ САМОВАР

Иван Иванович Самовар
был пузатый самовар,
трехведёрный самовар.

В нем качался кипяток,
пыхал паром кипяток,
разъярённый кипяток,

лился в чашку через кран,
через дырку прямо в кран,
прямо в чашку через кран.

Утром рано подошел,
к самовару подошел,
дядя Петя подошел.

Дядя Петя говорит:
«*Дай-ка выпью*, — говорит, —
выпью чаю», — говорит.

К самовару подошла,
тетя Катя подошла,
со стаканом подошла.

Тетя Катя говорит:
«*Я, конечно*, — говорит, —
выпью тоже», — говорит.

Вот и дедушка пришел,
очень старенький пришел,
в туфлях дедушка пришел.

Он зевнул и говорит:
«*Выпить разве*, — говорит, —
чаю разве», — говорит.

Тут и бабушка пришла,
очень старая пришла,
даже с палочкой пришла.

И, подумав, говорит:
«*Что ли, выпить*, — говорит, —
что ли, чаю», — говорит.

Вдруг девчонка прибежала,
к самовару прибежала —
это внучка прибежала.

«Наливайте!» — говорит, —
чашку чая, — говорит, —
мне послаще», — говорит.

Тут и Жучка прибежала,
с кошкой Муркой прибежала,
к самовару прибежала,

чтоб им дали с молоком,
кипяточку с молоком,
с кипяченым молоком.

Вдруг Сережа приходил,
неумытый приходил,
всех он позже приходил.

«Подавайте!» — говорит, —
чашку чая, — говорит, —
мне побольше», — говорит.

Наклоняли, наклоняли,
наклоняли самовар,
но оттуда выбивался
только пар, пар, пар.

Наклоняли самовар,
будто шкап, шкап, шкап,
но оттуда выходило
только кап, кап, кап.

Самовар Иван Иванович!
На столе Иван Иванович!
Золотой Иван Иванович!

Кипяточку не дает,
опоздавшим не дает
лежебокам не дает.

ВСЁ.

1928 г.

* * *

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АНЕКДОТЫ

Н.Доброхотова, Владимир Пятницкий. Веселые ребята

У Вяземского была квартира окнами на Тверской бульвар. Пушкин очень любил ходить к нему в гости. Придет — и сразу прыг на подоконник, свесится из окна и смотрит. Чай ему тоже туда, на окно, подавали. Иной раз там и заночует. Ему даже матрац купили специальный, только он его не признавал. «*К чему, — говорит, — такие роскоши?*». И спихнет матрац с подоконника. А потом всю ночь вертится, спать не дает.

* * *

Гоголь переоделся Пушкиным, пришел к Пушкину и позвонил. Пушкин открыл ему и кричит: «*Смотри, Арина Родионовна, я пришел!*».

* * *

Лермонтов хотел у Пушкина жену увести. На Кавказ. Все смотрел на нее из-за колонн, смотрел... Вдруг устыдился своих желаний. «*Пушкин, — думает, — зеркало русской революции, а я — свинья*». Пошел, встал перед ним на колени и говорит: «*Пушкин, где твой кинжал? Вот грудь моя*». Пушкин очень смеялся.

* * *

Однажды Пушкин стрелялся с Гоголем. Пушкин говорит:

— Стреляй первым ты.

— Как я? Нет, ты.

— Ах, я! Нет, ты!

Так и не стали стреляться.

* * *

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он шел по Тверскому бульвару и увидел впереди Пушкина. «*Конечно, это уже не ребенок, это уже подросток, — подумал Лев Толстой, — все равно, дай догнню и поглажу по головке*». И побежал догонять Пушкина. Пушкин же, не зная толстовских намерений, бросился наутек. Пробегая мимо городского, сей страж порядка был возмущен неприличной быстротою бега в людном месте и бегом устремился вслед с целью остановить. Западная пресса потом писала, что в России литераторы подвергаются преследованиям со стороны властей.

* * *

Однажды Лермонтов купил яблок, пришел на Тверской бульвар и стал угощать присутствующих дам. Все брали и говорили «мерси». Когда же подошла Наталья Николаевна с сестрой Александриной, от волнения он так задрожал, что яблоко упало к ее ногам (Натали Николаевны, а не Александрины). Одна из собак схватила яблоко и бросилась бежать. Александрина, конечно, побежала за ней. Они были одни — впервые в жизни (Лермонтов, конечно, а не Александрина с собачкой). Кстати, она (Александрина) ее не догнала.

* * *

Однажды Пушкин решил испугать Тургенева и спрятался на Тверском бульваре под лавкой. А Гоголь тоже решил в этот день испугать Тургенева, переоделся Пушкиным и спрятался под другой лавкой. Тут Тургенев идет. Как они оба выскочат!..

* * *

Лев Толстой очень любил детей. Однажды он играл с ними весь день и проголодался. «Сонечка, — говорит, — а, ангелочек, сделай мне тюрьку». Она возражает: «Левушка, ты же видишь, я «Войну и мир» переписываю». «А-а-а, — возопил он, — так я и знал, что тебе мой литературный фимиам дороже моего «Я». И костюль задрожал в его судорожной руке.

* * *

Однажды Пушкин написал письмо Рабиндранату Тагору. «Дорогой далекий друг, — писал он, — я Вас не знаю, и Вы меня не знаете. Очень хотелось бы познакомиться. Всего хорошего. Саша».

Когда письмо принесли, Тагор предавался самосозерцанию. Так погрузился, хоть режь его. Жена толкала, толкала, письмо подсовывала — не видит. Он, правда, по-русски читать не умел. Так и не познакомились.

* * *

Однажды Федору Михайловичу Достоевскому, царствие ему небесное, исполнилось 150 лет. Он очень обрадовался и устроил день рождения. Пришли к нему все писатели, только почему-то все наголо обритые. У одного Гоголя усы нарисованы. Ну хорошо, выпили, закусили, поздравили новорожденного, царствие ему небесное, сели играть в вист. Сдал Лев Толстой — у каждого по пять тузов. Что за черт? Так не бывает. «Сдай-ка, брат Пушкин, лучше ты». «Я, — говорит, — пожалуйста, сдам». И сдал. У каждого по шесть тузов и по две пиковые дамы. Ну и дела... «Сдай-ка ты, брат Гоголь». Гоголь сдал... Ну, знаете... Даже и нехорошо сказать... Как-то получилось так... Нет, право, лучше не надо.

* * *

Однажды Федор Михайлович Достоевский, царствие ему небесное, сидел у окна и курил. Докурил и выбросил окурок из окна. Под окном у него была керосиновая лавка. И окурок угодил как раз в бидон с керосином. Пламя, конечно, столбом. В одну ночь пол-Петербурга сгорело. Ну, посадили его, конечно. Отсидел, вышел, идет в первый же день по Петербургу, навстречу — Петрашевский. Ничего ему не сказал, только пожал руку и в глаза посмотрел. Со значением.

* * *

Снится однажды Герцену сон. Будто иммигрировал он в Лондон и живет там ему очень хорошо. Купил он, будто, собаку бульдожей породы. И до того злоущий пес — сил нет. Кого увидит, на того бросается. И уж если догонит, вцепится мертвой хваткой? все, можешь бежать заказывать панихиду. И вдруг, будто он уже не в Лондоне, а в Москве. Идет по Тверскому бульвару, чудище свое на поводке держит, а навстречу Лев Толстой. И надо же, тут на самом интересном месте пришли декабристы и разбудили.

* * *

Гоголь только под конец жизни о душе задумался, а смолodu у него вовсе совести не было. Однажды невесту в карты проиграл и не отдал.

<...>